

**САМОПОМОЩЬ КАК МЕРА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ
В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ**

Н. В. Южанин

Академия ФСИН (г. Рязань)

Поступила в редакцию 5 августа 2015 г.

Аннотация: *рассматривается обеспечительный характер мер самопомощи в ретроспективе и в современном праве. Сравнивается дореволюционное отечественное законодательство с современным в вопросе внесудебной защиты прав. Предлагается и обосновывается включение в отечественное законодательство понятия «самопомощь» в рамках формы самозащиты прав. Анализируется применение некоторых обеспечительных действий сторон в рамках арендных отношений.*

Ключевые слова: *самозащита, защита гражданских прав, реальное исполнение обязательства, удержание, самопомощь, обеспечение обязательств, односторонняя сделка, юридический поступок, охранительное правоотношение, меры оперативного воздействия, необходимая оборона, крайняя необходимость.*

Abstract: *this article discusses a security nature of the measures of self-help in retrospect and in modern law. Compared to the pre-revolutionary domestic legislation with modern in-court protection of the rights issue. It is suggested and justified the inclusion in domestic legislation the concept of «self-help» in the form of self-defense rights. Examines the use of certain security actions of the parties under the lease.*

Key words: *self-defense, protection of civil rights, the actual performance of an obligation, retention, self-help, maintenance obligations, unilateral contract, legal action, protective relationship, measures operational impact, necessary defense, extreme necessity.*

Понятие «самопомощь» не имеет легального закрепления в отечественном гражданском праве. Тем не менее это правовое понятие не чуждо отечественному праву. Более того, полагаем, что именно это правовое понятие должно получить легальное закрепление в отечественном гражданском праве в рамках неюрисдикционной формы защиты прав – самозащиты. Прежде чем рассмотреть особенности явления и применения самопомощи в современном отечественном праве, коснемся нескольких авторитетных мнений цивилистов имперского периода нашей истории относительно внесудебной защиты прав.

Профессор В. И. Синайский по вопросу включения в проект Гражданского уложения Российской империи норм о самозащите и самопомощи высказал следующее: «Не следует, однако, упускать из внимания культурности общества, высоты его правосознания, глубины правового чувства, ибо внесудебная защита в недостаточно благоприятных усло-

виях грозит нарушением высшего блага – социального мира»¹. То есть позволительно применение односторонних правозащитных мер тогда, когда общество обладает достаточной правовой культурой в сфере частных правоотношений. Таким образом, соглашаясь в этом мнении с профессором В. И. Синайским, внесудебная защита одностороннего характера является неотъемлемым элементом частно-правового порядка, но в то же время ее эффективность и целесообразность значительно зависят от развитости правосознания и правовой культуры в обществе. Внесудебная защита позволяет прибегать к помощи судебного разбирательства только в тех случаях, когда такое одностороннее поведение субъектов не приводит в итоге к взаимному согласию сторон, когда другая сторона противостоит одностороннему проявлению воли контрагентом.

На самозащиту как на особое правовое явление обратил внимание известный цивилист – профессор Д. И. Мейер в своем курсе Гражданского права, изданном на основе записок студентов с его лекций. Д. И. Мейер полагал, что самозащита допускается «только по исключению, когда помощь со стороны государства может явиться слишком поздно». По мнению ученого, самозащита может выразиться «или в виде самообороны, т.е. самоличного отражения посягательств на право, или в виде самоуправства, то есть самоличного восстановления уже нарушенного права». Как и в современном праве, институт необходимой обороны, в частности уголовная наказуемость и ненаказуемость самообороны, был подробно регламентирован и исследовался представителями науки уголовного права. Понятие самоуправства, его наказуемость и ненаказуемость являлись предметом рассмотрения науки уголовного права, но так называемое ненаказуемое самоуправство (дозволенное самоуправство) относится также к предмету рассмотрения и регламентации гражданского права. Д. И. Мейер называл такие случаи формами ненаказуемого самоуправства, относя к ним: 1) право удержания; 2) право самовольного установления залога; 3) право самовольного осуществления уже установленного права залога.

Первая форма ненаказуемого (дозволенного) самоуправства – право удержания – ученым понималось традиционно, подобно тому, как оно зафиксировано в современном праве (ст. 359 ГК РФ) как «право владельца чужой вещи не выдавать ее собственнику до исполнения лежащего на нем перед владельцем обязательства, причем лицо, удерживающее вещь, не имеет права само удовлетворить свое требование путем продажи или присвоения вещи»². Удержание не столь близко самоуправству, как кажется на первый взгляд в сравнении с другими, выделенными автором, формами проявления «дозволенного самоуправства». Удержание,

¹ Синайский В. И. Русское гражданское право. Вып. 1: Общая часть. Вещное право. Авторское право. Изд. второе, испр. и доп. Киев, 1917. С. 131.

² Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. по испр. и доп. 8-му изд. 1902 г. Изд. 2-е, испр. М., 2000. С. 301–302.

по крайней мере, реализуется из правомерного обладания вещью субъектом в рамках существующего договорного обязательства между ними, что, несомненно, связывает возможность его применения с существованием правовой связи между контрагентами, т.е. необходимо наличие относительного правоотношения, в котором и реализуется эта мера.

Вторая форма дозволенного самоуправства, по мнению Д. И. Мейера, обозначена им «как самовольное установление права залога», под которым он понимал «право захватить вещь и держать ее до тех пор, пока требование к собственнику вещи не будет удовлетворено, а в случае его неудовлетворения – требовать продажи вещи и из вырученной суммы получить удовлетворение»³. Подобные действия, по сути, являются формой агрессивного, активного проявления дозволенного самоуправства (самопомощи), поскольку чужое имущество *захватывается* во владение. Контроль все же существовал и за подобным односторонним поведением. Лицо, добровольно не исполняющее обязанность, вследствие применения против него такой меры самопомощи могло обратиться в суд, что чаще всего и бывало в таких случаях. Суд либо наказывал самоуправца, либо, наоборот, удовлетворял интересы лица, действующего в одностороннем порядке.

Третий вариант дозволенного самоуправства, отмеченный Д. И. Мейером, – это «самоличное осуществление права залога», которое выражалось в «праве залогодержателя, в случае неисполнения обеспеченного залогом обязательства, оставить у себя заложенную вещь или самому ее продать и из вырученной суммы получить удовлетворение». Относительно последнего случая дозволенного самоуправства заметим, что в настоящее время залоговые отношения подробно регламентированы в праве. Требование залогодержателя об обращении взыскания на имущество осуществляется преимущественно в судебном порядке, кроме случаев договорного регулирования данного механизма, которым может быть установлен и иной порядок. Такой договорный порядок и предусматривает возможность односторонней продажи движимой вещи. Льготный порядок обращения взыскания применяется при залоге вещей в ломбарде. Односторонний порядок продажи имущества допустим при просрочке исполнения ломбардного займа. Таким образом, в современном гражданском праве односторонний порядок обращения взыскания на залоговое имущество по общему правилу не применяется, если только договором между сторонами не будет установлен иной порядок, касающийся залога движимого имущества, или если это касается специальных видов залога, к которым относится ломбардный залог. Следует заметить, что в современном ГК РФ существуют правила, позволяющие самостоятельно распорядиться имуществом, полученном в рамках договорного обязательства, например ч. 2, п. 2 ст. 514 ГК РФ позволяет покупателю самостоятельно реализовать товар, не принятый покупателем и находящийся на ответственном хранении. При этом вырученное от реализации товара

³ Мейер Д. И. Указ. соч. С. 302.

передается поставщику за вычетом причитающегося покупателю (ч. 2, п. 3 ст. 514 ГК РФ). Таким образом, подобные залоговым односторонние распорядительные действия в отношении чужого имущества возможны и в современном праве, однако владение этими предметами основано на титульном договорном основании. Объединяет подобные меры то, что оценка факта нарушения субъективных прав защищаемым лицом происходит односторонне.

Если проанализировать существование описанных Д. И. Мейером правовых механизмов применения дозволенного самоуправства в современном праве, то вызывает некие сомнения существование в современном российском гражданском праве возможности применения второго варианта дозволенного самоуправства, выделенного ученым, а именно самовольного захвата имущества. Подобная мера была бы допустима при более детальном регулировании самозащиты права с включением права совершения восстановительной самопомощи в ГК РФ. Но следует допустить подобные действия не для всех ситуаций фактического завладения имуществом. Такой захват имеет признаки самоуправства как преступления по современному уголовному законодательству или может являться административным правонарушением. Подобные действия действительно коллизионные с нормами публичного права. В силу отсутствия подробной регламентации формы самозащиты в современном гражданском законодательстве и единых норм о границах односторонних действий в обязательствах, как и самого понятия таких мер и их последствий, подобные действия вполне могут подпадать под понятие уголовно или административно наказуемого самоуправства. Подобный спор уже рассматривался в судах, и данный вопрос был предметом обращения в Конституционный Суд России⁴. Это подчеркивает необходимость разобрататься в межотраслевых коллизиях и требует законодательных решений. Что касается первой выделенной меры, а именно права удержания (*ius retentionis*), то включение подобной меры в понятие дозволенного самоуправства, равного самовольному задержанию вещей, в рамках имперского законодательства является нелогичным, поскольку удержание реализуется в договорном правоотношении, следовательно, любые действия по защите в рамках этого правоотношения становятся динамичными при его нарушении. Самоуправного завладения вещью, как во втором случае, не происходит. Правозащитные меры договорного правоотношения вряд ли можно считать понятием самоуправства, поскольку речь идет об оперативном реагировании на нарушение обязательства контрагентом, прежде всего, с целью укрепить (сохранить) обязательство, стимулировать

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Храповицкого Константина Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 359 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьей 330 Уголовного кодекса Российской Федерации и пунктом 1 части первой статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 21 февраля 2008 г. № 92-0-0. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

контрагента к исполнению, существенное изменение же обязательства по факту удержания происходит лишь в случае безответных действий должника на подобное обеспечительное действие, когда вещь реализуется в судебном порядке. Главное, что в этом случае не происходит самоуправного захвата владения, как не происходит этого и в третьем случае, поскольку правоотношение, в котором происходит защитительная самостоятельная реализация вещи, имеет договорный характер (договор о залоге имущества). Таким образом, действительно самоуправный элемент присутствует только во втором, выделенном Д. И. Мейером, варианте дозволенного самоуправления, остальные два варианта односторонних правозащитных мер применяются в рамках изначально титульного владения имуществом и наличия договорной правовой связи между контрагентами.

Мнение Д. И. Мейера являлось одним из важнейших для осмысления этих вопросов другими представителями дореволюционной цивилистики, поскольку они часто обращались к его позиции как наиболее авторитетной, хотя и спорили с ним, доказывая собственный взгляд на эту проблематику. Ученый рассматривал варианты дозволенного самоуправления как защиту права. Объединяет эти действия как защитные то, что реализовывались они не превентивно, а именно в момент реальной угрозы совершаемого или уже состоявшегося нарушения прав, когда требовалось их восстановление. «Ненаказуемое самоуправство» – это защита прав лица (вариант особой гражданской самопомощи), которое в данный конкретный момент не имеет возможности обратиться к «властям», помогая тем самым предотвратить возможные негативные последствия отсутствия такого содействия. Можно также говорить, что подобные меры носят предъюрисдикционный (предпроцессуальный) характер, поскольку в последующем механизме защиты своих прав присутствует государственно-властное участие. В большей степени как об особой гражданской самопомощи следует говорить о выделенном автором вторым варианте «дозволенного самоуправления». В современном праве иные обозначенные Д. И. Мейером меры ненаказуемого самоуправления следует относить к договорным оперативным правозащитным мерам в рамках понятия формы самозащиты.

В имперском праве практиковалась такая мера, как «задержание» животных (скота, птицы), причиняющих потраву. В 1862 г. были изданы Правила для охранения лугов и полей от потравы и других повреждений, которые являлись приложением к Примечанию первому к ст. 359 Свода законов Российской империи. Однако подобные правила существовали в сельском быту еще и в более древний период в качестве обычаев в сельских отношениях. Задержавший скот обязан был объявить о таком действии соответствующему начальству. Задержавший скот лишался права на вознаграждение и на возмещение убытков, вызванных потравами, а также мог понести ответственность по возмещению убытков, вызванных незаконным задержанием этого имущества. В лаконичный термин «задержание» вкладывался смысл мягкого, но все же «захвата» таких жи-

вотных, поскольку если бы животные находились в законном титульном владении лица по обязательству, которое не исполняли, то это было бы *ius retentionis*, т.е. удержание уже находившихся во владении животных. Если владение, на основании которого реализуется правозащитная мера, не является титульным, то речь идет о захвате, т.е. о завладении имуществом вопреки воле контрагента, и влечет отсутствие всякой воли в основании такого владения. Однако такой захват имущества является достаточно мягким, поскольку животные фактически уже находились во владении лица, применявшего задержание, поскольку подобный, но возможно более грубый и агрессивный, захват имущества происходил также в случае задержания лиц на месте незаконной вырубке леса и при принудительном изъятии частными заинтересованными лицами вещей таких «дровосеков», а также когда речь идет об отобрании вещи «бегущего должника».

В современных гражданских отношениях подобный пример можно привести в сравнение с захватом вещей арендатора арендодателем в помещении, принадлежащем ему на праве собственности, находящихся во временном, но титульном владении арендатора. Арендодатель имеет фактический доступ к арендованному имуществу в рамках договорного правоотношения, что является аналогичным для случая задержания животных, которые, однако, попадают в фактическое владение вне какой-либо, даже «бывшей» правовой, связи с завладевшим ими как объектом ретенции. Подобная мера часто практикуется в современных арендных отношениях, поскольку арендодатель – собственник помещения – всегда имеет к нему фактический доступ, чем и злоупотребляет, проникая самоуправно в арендованные помещения. Часто такое имущество попадает в руки собственника и после истечения срока договора аренды, когда имущество арендатора по какой-то причине не вывезено из помещений. Разница в таких вариантах задержания вещей едва улавливается, но она присутствует. В *первой* ситуации, когда собственник вторгается во владение недвижимым имуществом, которое в момент вторжения титульно по договору принадлежит арендатору как субъекту действующего правоотношения, у собственника таких прав на подобные действия нет вообще, они агрессивно самоуправны, хотя он и находится в договорном правоотношении с арендатором, но владение передано и вещь находится в «непосредственном» и титульном владении арендатора. Вещные правомочия собственника-арендодателя вытесняются относительными правами арендатора. Во *второй* ситуации движимые вещи арендатора попадают во владение арендодателя опять-таки вне титула, но как бы случайно, поскольку он вновь получил доступ к недвижимому имуществу, где и находились оставленные вещи арендатора, так как срок договора аренды истек. Однако в данной ситуации не было агрессивного захвата движимого имущества арендатора (вопреки его воле), оно оказалось в фактическом (натуральном) владении кредитора арендодателя, вместе с возвратом недвижимого имущества. Произошел «мягкий» захват имущества, подобный задержанию скота при потравах. Такое

имущество не может быть предметом права удержания (*ius retentionis*) (ст. 359 ГК РФ), однако нахождение таких вещей в фактическом владении арендодателя не является агрессивно самоуправным. Допустимы ли такие меры в современном праве⁵? Можем ли мы рассматривать данные действия как допустимые односторонние правозащитные меры самопомощи, например со ссылкой на ст. 14 ГК РФ, подобно дореволюционному дозволенному и ненаказуемому самоуправству? Указанные меры как раз и являются случаями реализации формы самозащиты права, подобно дозволенному самоуправству по задержанию вещей в дореволюционном праве, но требуется создание в современном объективном праве возможности восстановительных действий по самозащите, а не только пресекательных в современной редакции ст. 14 ГК РФ. Более удачным было бы включение права самопомощи в виде отдельной нормы права в ГК РФ, тогда проблем в квалификации подобных действий в качестве односторонних правозащитных мер (в форме самозащиты) не возникнет. При внедрении легального раскрытия широкой формы самозащиты в современном праве и поддержке такой позиции судебной властью подобные действия арендодателя могут рассматриваться как допустимая самозащита в форме самопомощи. В представленных примерах второй случай, когда движимые вещи попали во владение кредитора уже после истечения срока аренды недвижимого имущества, вполне можно именовать самопомощью. Первый случай, когда арендодатель проникает в помещение, сдаваемое в аренду, и захватывает движимое имущество арендатора, является чрезвычайно агрессивной мерой, не допустимой по отношению к вещам, принадлежащим на праве собственности арен-

⁵ В отношении первой ситуации ВАС РФ объявил подобные действия недопустимыми. Согласно п. 14 информационного письма Президиума ВАС РФ от 11 января 2002 г. № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой», право на удержание вещи должника возникает у кредитора лишь в том случае, когда вещь оказалась в его владении на законном основании. Возможность удержания не может быть следствием *захвата* вещи должника помимо его воли. Захват и удержание – несовместимые понятия. Невозможно захватить арендодателем имущество арендатора, имеющего доступ к объекту аренды, и осуществить его удержание, т.е. нельзя удерживать имущество арендатора со стороны его собственника – арендодателя, который передал это имущество в пользование. Однако во второй ситуации действия по задержанию арендованного имущества, хотя и не являются классическим случаем (*ius retentionis*), т.е. применением ст. 359 ГК РФ, можно охарактеризовать как самопомощь, и они относятся к широкому понятию формы самозащиты. Это еще раз подчеркивает, что право самопомощи должно быть закреплено в ГК РФ как самостоятельное право в рамках формы самозащиты с собственным механизмом реализации. Механизм же применения ст. 359 ГК РФ (право удержания) в указанной ситуации недопустим. Не следует размывать и делать аморфным классическое договорное право удержания для различных нетитульных вариантов завладения имуществом. Первоосновой классического права удержания должно быть приобретение владения имуществом на титульном основании. В представленной ситуации завладение арендатором имуществом произошло вне титульного основания.

датору. Вторая рассмотренная форма вполне приемлема. Что же касается, например, ограничения доступа к арендованной недвижимости арендодателем-собственником, то подобная мера может рассматриваться как прекращение исполнения обязательства со стороны арендодателя, является достаточно жесткой правозащитной мерой и может использоваться арендодателем только в случае существенного нарушения договора. Подобная мера реализуется исключительно в рамках относительно правоотношения. Хотя, на первый взгляд, такое действие походит на приостановление исполнения обязательства, что не является верным его пониманием, поскольку арендодатель, блокируя доступ к недвижимому имуществу в рамках договора аренды, не приостанавливает исполнения своей обязанности, поскольку он ее уже исполнил, когда передал недвижимое имущество в аренду. В таком случае нет и права удержания, так как арендодатель в момент ограничения доступа к недвижимости не имеет права владения ею, поэтому при блокировке доступа к объекту недвижимости происходит захват владения, а не удержание.

Необходимо также обратить внимание, что приведенные случаи дозволенного принудительного изъятия вещей (захвата) в дореволюционном праве были четко регламентированы в специальных нормативных актах, т.е. право прямо рассматривало их как разрешенные механизмы воздействия одного частного субъекта правоотношений на другого. В современном праве такой отдельной регламентации мы не имеем, поэтому подобные меры весьма близки к понятию самоуправства как наказуемого деяния. Однако вообще отвергать явление самопомощи и возможности его адекватного существования в современном отечественном праве было бы неправильным, поэтому считаем необходимым разработать проект более детального регулирования самозащиты права с включением в это понятие различных односторонних мер самопомощи, различающихся по степени агрессивности. Самой агрессивной мерой может стать допустимая восстановительная самопомощь в виде возможности отобрания вещи у нарушителя титульного владения, если указанное нарушение произошло в данный момент и его необходимо оперативно восстановить. Самопомощь позволяет реализовать абсолютное право уже после нападения, что не является допустимым для меры необходимой обороны, которая не должна выходить за рамки пресечения нарушения права и, кроме того, является отражением уголовно наказуемого нападения. Другой подобный уже приводимый пример из современных правоотношений, когда суды допускают признание хотя и неудачно квалифицированным в качестве самозащиты «права удержания» арендодателем, фактически оказавшегося у него после окончания договора аренды имущества, признавая такие действия случаем согласно ст. 359 ГК РФ. Для того чтобы право удержания не смешивать с самопомощью, что является грубейшей ошибкой, поскольку механизм права удержания не может быть рассчитан на случаи непредвиденного и уже внедоговорного попадания вещей во владение, необходимо разделить эти понятия и ввести в отечественное право *самостоятельное право допустимой самопомощи в виде за-*

держания вещей, в том числе и в случае возникновения охранительного правоотношения внедоговорного основания. Особенно такое расширение допустимости самозащиты актуально для современного частного права, требующего расширения самостоятельности, гражданско-правовой активности участников правоотношений.

Таким образом, подобные ситуации задержания имущества объединяет *самоуправный характер действий лица*, в чьих интересах они осуществляются, их можно обозначить так же, как меры гражданской *самопомощи*, которая вполне «вписывается» в современное понятие и смысл самозащиты, ее можно также назвать термином «дозволенное самоуправство».

Итак, современное гражданское право в случае расширенного варианта ст. 14 ГК РФ как формы защиты позволит применять указанные правовые меры без существенных разногласий в их квалификации. Термин «самозащита» явно нуждается в законодательном подробном изменении и толковании, как он нуждался в дореволюционном праве, иначе споры по поводу соотношения понятий удержания, самозащиты, самопомощи будут продолжаться, порождая противоречивую судебную практику.

Академия ФСИН России (г. Рязань)
Южанин Н. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
E-mail: yuzhanin15@mail.ru
Тел.: 8-920-639-21-58

Ryazan Academy of the Federal Penal Service
Yuzhanin N. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Civil Law and Process Department
E-mail: yuzhanin15@mail.ru
Tel.: 8-920-639-21-58